

A man with a beard, wearing a dark, hooded cloak, is looking down at a white cat. They are in a cemetery with tombstones and crosses in the background. A full moon is visible in the sky.

ДМИТРИЙ ВАРТАНОВ

ШЁПОТ
ЛУКАВОГО

Территория Тьмы 2

Дмитрий Вартанов

Шёпот лукавого

Серия «Территория тьмы», книга 2

<https://litres.ru/72084043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наша жизнь состоит из чёрных и белых полос. То мы идём по территории Света, то бредём во тьме. Так было, так есть, так будет. Но предрешиено ли это свыше?.. Или мы сами создаём эти территории?

Главный герой, Алексей Фомич своими поступками и образом жизни ступил во тьму и получил в награду чёрную ношу. Не про него ли Николай Гоголь в своей Ночи перед рождеством устами Пацюка коротко бросил: Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами?

Да, чёрт на спине Фомича плата за беспросветное пьянство, разгул, эгоизм и безразличие к близким. И казалось бы, падать дальше некуда; вот он чёрт, вот она тьма. Развернись и иди к Свету. Но прапорщик в упор не видит этот Свет и шарахается по закоулкам своей слепоты. Охотники на баробашек и шаманы ещё глубже уведут человека с чёртом на спине в логово демона, во тьму.

А ведь Свет так близко! Только руку протяни добрый
блаженный Терёшка передаст тебе лучик Ну же, Фомич, протяни
руку, возьми то, что блестит у Терёхи, шагни

Дмитрий Вартанов

Шёпот лукавого

*«Когда нужно чёрта,
то и ступай к чёрту!*

*Тому не надо далеко ходить,
у кого чёрт за плечами».*

Николай Гоголь, «Ночь перед Рождеством»

Глава первая

Зимний день катился к закату вслед за степенно скатывающимся под откос за горизонт солнечным диском. Лучи от стылого вечернего светила безуспешно, в какой-то суетной безнадёге, пытались цепляться за кресты и оградки старого городского кладбища. Кладбище же безучастно, с лёгкой усмешкой смотрело на их тщетные потуги и не проявляло никакой инициативы, чтобы попридержать эти слабенькие, смешные лучики. Да и вечер вкупе с ночью брали своё и неумолимо утаскивали день в свою непроглядь и тьму. И вот кладбище облегчённо вздохнуло, освободившись наконец-то от таких суетных и лишних живых человеческих душ, и приняло свой нормальный, естественный неодушевлённый и покойный облик и атмосферу.

— Уф, полегчало... — словно выдохнул ближайший ряд могил и надгробий.

– Угу, угу... – радостно поддакнул изголодавшийся сыч, весь день мечтавший об охоте на полёвок.

– Угу, Фома, ты, как всегда, прав, – согласился с пернатым соседом сорокалетний сторож кладбища, Алексей Фомич, когда-то нарёкший эту странную птицу именем своего бати.

А потому и беседовал вот так по вечерам Фомич с Фомой, словно с батяней, беседовал задушевно и, можно сказать, породственному. Да и могилка отца, с большим деревянным крестом, была недалече. Этот старый угукающий сыч уже лет пять был словно связующее звено между покойником и его сыном, по графику ночующим каждые третьи сутки в кладбищенской сторожке. И произошло это «вселение» на кладбище опосля того, как braveго прапорщика вооружённых сил тихо и вежливо турнули из этих самых вооружённых сил. Бухающий воин не способен поддерживать боевой армейский дух – дух перегара усыпляет бдительность и напрочь нивелирует боевую готовность ВС. Это ему сухо, но доходчиво, почти без мата объяснил замполит, майор Комар. Эта «сухость» и «почти безматерность» в догонку с амбре похмельного сушняка Фомича так торкнули ему в печень, темя и осколки совести, что он разом бросил бухать. Но было поздно – служба ушла безвозвратно в самоволку иль на скоропостижный дембель, а с ней родимой ушла к родителям и жена, забрав и дочку с сыном. Нет, жена Танюха не нашла себе нового мужика и «папу» для славных ребятишек –

точных копий фомичёвской династии. И даже по выходным приносила свои фирменные вкусняющие щи, обалденные пирожки и сногшибательные голубцы. И даже... оставалась по субботам с Фомичом... Любовь – она и в Африке любовь. Кака така любовь, скажете?! А вот така любовь – по-фомичёвски да по-танюхински. В глубине и на поверхности души Алексей Фомич надеялся на то, что «кака така любовь» переродится и вновь станет обычной такой любовью его родной, тёплой и хорошей Танюхи.

Но Татьяна все эти последние пять лет «заочной», дистанционной любви не спешила возвращать эту любовь в очный формат. И объясняла это, точнее лишь раз объяснила, но конкретно, тихим голосом, с нескрываемым страхом:

– Лёш, я не вернусь к тебе... в эту квартиру... пока не вернусь... не могу... боюсь... и за себя, и за детей...

– ???..

– Помнишь, накануне твоего увольнения, ты был в очередном запое?... Ты допился до чёртиков и стал утверждать, что с тобой за столом чёрт сидит и водку тебе всё время подливает, а она, чертовка, не заканчивается. Мол, ты не хочешь, а он предлагает и предлагает, наливает и наливает...

– Тань, ну мало ли мне тогда что могло привидеться – и чёрт, и дед мороз со снегуркой, и спящая царевна с богатырями. Ты же знаешь, что я и впрямь до чёртиков допивался, до поросячьего визга, как свинья был. Мне стыдно, больно и горько за это. Я ведь просил прощения, и с того вечера ни

капли в рот не беру, окромя чая и кофе, даже лимонад не пью. А ты всё вспоминаешь... Ну их всех к лешему, чертям собачьим!

– Алёша, я тебе тогда не сказала, да и потом не говорила... Но сейчас скажу...

Алексей Фомич занервничал, взял сигарету и стал неловко чиркать спичкой, та разбросила искры, но не зажглась. Вот только стоящая за пепельницей зажигалка вдруг сама собой откинула со звонким щелчком крышку и выпустила сильнее пламя.

– Вот чёрт, опять сама воспламенилась! – Фомич взял услужливое огниво и прикурил.

– И давно она так?.. – жена пристально смотрела на руку мужа с зажигалкой.

– Чёрт его знает, – Алексей потёр виски. – Да вроде сразу, как ты с детьми ушла... я бросил бухать... Вроде тогда эта чёртова зажигалка и стала щёлкать и вспыхивать сама... А ещё плита газовая загорается... и колонка... обычно ночью...

– А ты что?

– Я газовиков вызывал. Они проверили, сказали, что всё нормально. Ушли, всё опять стало повторяться. Я снова их вызвал. Они пришли, проверили и сказали, что если ещё раз вызову, то штраф выпишут или в дурку отправят.

– И ты не боишься?

– Чего? Пожара? Так вроде пока ничего... Зажигалка за-

горается только тогда, когда я беру сигарету... будто ждёт, чертяка окаянная...

Наступило тягостное молчание. Фомич нервно затянулся и выдохнул дым в сторону. Татьяна посмотрела на мужа и произнесла:

– Странно это... этот огонь... но не только... Есть ещё... – Таня встала, обошла стол и обняла мужа за шею. – Лёш, я люблю тебя, всегда любила. Даже когда ты бухал. Ненавидела и любила.

Лёха загасил сигарету. Татьяна отошла к холодильнику, облокотилась на него и тихим голосом продолжила:

– Помнишь, накануне того, как я забрала детей, и мы ушли к маме, ты среди ночи вскочил и стал орать, чтобы «они» уходили? Ты махал руками и ногами. Потом открыл окно и стал кого-то невидимого выталкивать в него... даже упирался в кого-то, во что-то... так мне показалось... А потом ты остановился и вроде успокоился... А я... я на мгновение увидела у тебя за спиной чёрта... большого... Он обхватил твою шею чёрными, волосатыми руками, а хвостом, длинным с кисточкой, стегал тебя по лицу, а мне рожи корчил глумливые...

Фомич недоумённо смотрел на супругу и аж приоткрыл рот.

Татьяна продолжила:

– Это длилось лишь какое-то мгновение. Я даже не поняла – был ли чёрт на самом деле, или я просто спросонья ис-

пугалась тебя... за тебя?..

Алексей встал, подошёл к своей родной, обнял её:

– Ну, какой к чёрту чёрт? Привиделось мне всё. Допился до чёртиков, до белой горячки. И тебе из-за моих выкрутасов всё привиделось. Возвращайся ко мне, не могу без вас. Будем жить как раньше... в смысле, как раньше, когда я не бухал. Ну же, родная! Давай, прям сегодня вещи перевезём.

Татьяна отстранилась и села за стол, глотнула остывший чай:

– Я не дорассказала... Мне и потом, когда я у тебя оставалась, иногда казалось, что у тебя за спиной опять бес, огромный и чёрный. Он скалился и глумился. Правда, эти видения бывали только поздним вечером, ночью.

– Вот видишь, ты сама называешь это «видениями», и говоришь, что «казалось». Просто тебе с той ночи, когда я был в горячке, и стал видаться чёрт. Это всё из-за меня. Танюха, какие к черту черти. Чертей в реалиях ни черта не бывает. Это всё чёртовы сказки.

– Лёшенька, дорогой мой, ты сам не замечаешь, что ты всё время чертыхаешься. И я, кажется, поняла, с какого момента ты стал постоянно упоминать имя лукавого. Да, именно с той ночи. До этого ты вообще никогда не чертыхался. Мы же православные. Ты и я крещёные, и дети наши с младенчества приняли обряд крещения. Помнишь, в деревенской деревянной церквушке в купель их старенький батюшка окунал и крестил: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»... А

мы сами при своём крещении ведь произносили: «Отрекаюсь от лукавого!». Трижды произносили...

Слова Татьяны уже тогда заставили Фомича задуматься. Он поймал себя на мысли, что и впрямь упоминает имя лукавого буквально каждый день, да неоднократно, при каждом «удобном» случае. Ему даже на кладбище работяги и коллеги не раз в сердцах бросали: «Лёха, харе чертыхаться! Здесь и без твоих «чертей собачьих» достаточно жути и мертвяков! Живи со своими чертями сам, без нас. Нам и своих покойников и скелетов в шкафу хватает!».

Но Алексей Фомич забывал про все замечания и увещевания и продолжал «лепить чертилу», суя во все дыры свою словесную чертовщину. Вот и Татьяна обратила внимание на «нечистую» речь ныне трезвого муженька.

– Тань, а сейчас за моей спиной кто-нибудь есть?

Жена с опаской посмотрела на мужа:

– Если б кто-то был, я бы сейчас не говорила с тобой. Сбежала бы, – Таня боязливо передёрнула плечами. – Я же говорю, мне это кажется только по вечерам, иногда, когда в комнате сумрак. Но тыходишь, и никого за тобой нет, я успокаиваюсь. А когда горит свет, и вовсе не страшно.

– Так, ты поэтому просишь не выключать ночник по ночам?!

– Да, а ты думал, что всю ночь на тебя люблюсь?

– Чёрт возьми, а я сразу и не понял: чё это моя Танюха по ночам со светом? Думал, тебе так лучше любовью со мной

заниматься...

– Дурак! – Таня махнула на него кухонным полотенцем. – Но вот ты опять чертыхнулся и не заметил даже...

– Блин.

– Ты уж лучше блинкой или ещё что говори.

– Что?

– Ну, например: ё-пэ-рэ-сэ-тэ или ё-кэ-лэ-мэ-нэ.

– А ёкарный бабай можно?

Татьянка на мгновение задумалась:

– Не, про бабая лучше тоже не надо. Говорят, он, бабай этот, с шайтаном дружит. Я где-то в интернете об этом читала. Лучше ё-пэ-рэ, на худой конец, ёлки палки вспоминай – всё про Новый год лучше.

В тот день на том и порешили. Таня с детьми пока (шесть год это ПОКА!) продолжают жить у родителей. Ну а что? Дом большой, с приусадебным участком, курочки, кролики, кошки, пёс Венька в будке – чем не раздолье для ребяток-погодок, шестилетней Машеньки и семилетнего Ванечки? Нет, конечно, Татьяна делала всё, чтобы дети общались с папкой. По выходным, да и в будни (сменный график Фомича позволял) гуляли вместе в парке, на берегу матушки-Волги. Летом на пляж и острова с ночевой отправлялись. Зимой снеговиков лепили, и Новый год с Рождеством у родителей справляли. В общем, семья была, семья жила. Пусть и на расстоянии (небольшом – пара км), но семья «кака така» была. Вот только Таня после той буйной ночи детей в квартиру больше

никогда не привозила. Был ли чёрт за спиной Лёхи, не был ли... Но был страх, и страх остался...

И ещё Татьяна заметила, что её крепкий, жилистый мужичок стал сутулиться, и с каждым божьим днём всё более и более. Стоит и ходит, будто на нём ноша, какая тяжёлая, будто к земле пригибает. Она в итоге не выдержала, так и сказала:

– Лёшенька, ты в последнее время стал быстро сутулиться – будто у тебя на спине, плечах мешок с мукой с полцентнера. Болит что ль спинушка. Давай к доктору...

Лёшка тогда отмахнулся от любимой жёнушки – отродясь по врачам не хаживал.

– Не, Танюх, не пойду. Само пройдёт. Видать, немного продуло, вот и клонит...

Однако, оказалось всё не так просто. Спину с каждым днём прихватывало всё более. Причём не сказать, что она болела. Скорее на неё что-то давило, будто и впрямь мешок с мукой за плечами был. И каждый день, а точнее к ночи, этот мешок на чуточку тяжелел, словно кто-то незримый подсыпал в него сто граммулек муки, ржаной аль пшеничной, чёрт его знает...

Глава вторая

Итак, декабрьский вечер постепенно обложил со всех сторон бесснежное городское кладбище своим ворсистым, колючим одеялом. Снежное покрывало зимы запаздывало, где-

то застряв, и ещё не дошло до городка. Филин Фома радостно и громко угукнул и, сорвавшись с ветки старого дуба, нырнул в могильный орнамент – наступило время охоты на полёвок и прочую живность.

– Время ужина, Фома. Хорошей охоты, брат. Пойду и я перекушу кашки гречневой с тефтельками от Танюхи, – Фомич хотел было потянуться и расправить спину, да та горемычная не расправилась, мешок с картофаном иль ещё с чем так и лежал на горбу. Сторож крикнул и, не разгибаясь, вошёл в сторожку. Неожиданно обрубился свет...

Так здесь частенько бывало. Электролинии, старенькие, изношенные. Власти давно махнули рукой на это древнее кладбище. Новое-то, что на другом конце города, благоустроили – для себя, родимых. Там всё в граните и мраморе, аллеи, освещённые да широченные, – чтоб гробы не таскать, а на катафалке и иномарках въезжать и разъезжать по территории. Там и пруд с лебедями забамбахали – идея мэра. А на входе магазин установили, причём не только с гробами и венками, но и с выпивкой, и закусью. Даже мангал прицепили, ну чтоб «шашлычок под коньячок – вкусно очень», как в известной песне, и назвали: «Пикник на кладбище».

Ну да чёрт с ними, с богатеями этими, с их прудами и шашлыками. Фомич махнул с досады рукой и включил светильник на батарейках, благо, недавно новые поставил. Этот светильник в форме свечи, правда, был тускловат, но ужин при свече, оно и не плохо. Этакий кладбищенский ужин при

свечах – чем не романтика, чем не пикник на погосте?

Сел, значит, романтичный Алексей Фомич за свой «пикник» и нехитрую, но вкусную трапезу от любимой Танюшки и только хотел приступить к ней, как дверь в сторожку распахнулась. На пороге стоял лохматый, как всегда, извазюканный в земле, Терёшка. Он, едва шагнув в комнату, резко остановился и... превратился в «каменного гостя»... Вот только Фомич вряд ли потянул бы на роль Дон Жуана – красавчик, но фактура всё ж не та, по бабам не ходок, да и Танюху свою бездонно любил...

Итак, «истукан» Терёха, по паспорту Терентий Арнольдович Поддубный – худющий, долговязый, рыжий парень, двадцати семи лет от роду, дурачок от рождения, однако, добрый и вменяемый, и что немаловажно, покладистый и работающий. Здесь он работал могильщиком, естественно, не официально, за небольшую копейку, трёх разовые харчи и ночёвку в рядом стоящей небольшой будке. Он был абсолютным сиротой-«отказником», родившимся недоношенным, сереньким и тщедушным. Потому в роддоме придумали и дали ему богатырские отчество и фамилию. До совершеннолетия паренёк жил в интернате. Потом его признали дееспособным, и государство, как сироте, выдало сертификат на жильё. Но вот оказия, ушлые риэлторы взяли в оборот чистого, наивного паренька и технично, в два счёта облапошили незащитного сиротинушку, оставив его без сертификата и без квартиры. Государство, в лице местных чиновни-

ков из соцзащиты и опеки, ничего не прознало или сделало вид, что ничего не видит и не ведаёт. Так сирота остался на улице и пополнил армию бомжей, хорошо хоть документы, удостоверяющие личность, остались при нём. Ни для кого нет секрет, что такой квартирный кидок, обычное дело нынче. Ушлых, вороватых чертей и шайтанов во все времена хватало и сейчас хватает. Куда ж им деться, куда податься? Ведь тоже кушать хотят, окаянные...

Терёше повезло. Директор кладбища, старый осетин Магомед, добрый и великодушный, как все крупные, двухметровые великаны, лет семь назад увидел рыжего кощеюшку, ищущего пропитание на свалке, и, пожалев доходягу, взял в свой кладбищенский штат, как уже было сказано, неофициально. Терёшка помогал копать могилы, следить за порядком и чистотой. Паренька не обижали, даже любили за его наивность, детскую непосредственность и чистоту в помыслах и поступках. Он каждый вечер заходил к сторожам, те поили его чаем, угощали сушками и играли с ним в шашки и нарды. И надо заметить, Поддубный рубился достойно и знатно, особенно в нарды. Он, как по заказу, выбрасывал шестёрочные дупли и расшлёпывал шашки по лузам быстро и неуловимо, сразу обеими руками, но никогда никого не объегоривал.

– Здорово, Арнольдych, – Алексей пододвинул вторую кружку и налил из термоса для гостя чай. – Проходи, будь, как дома. Сейчас чайку бахнем, я перехвачу и в нардишки...

– Вечер до... – Терентий осёкся на полуслове и, вытаращив свои большущие голубые глаза, попятился назад.

– Ты чё, Терёша? Аль чёрта увидал? – хохотнул Лёха.

Могильщик отступил, упёрся в дверной косяк и, выставив указательный палец куда-то за плечо сидящего сторожа, дрожащим полуслёпотом выдавил:

– Д-да... чёрт...

Алексей отхлебнул чай, отрезал ломоть ржаного хлеба и шутливо хмыкнул:

– Где? На плече у меня?

– Да... нет...

– В смысле, да-нет?!

– Он с рогами, у тебя за спиной... точнее, на спине... ногами и лапами тебя обхватил... на меня из-за плеча твоего смотрит и скалится... чёрт... самый настоящий, чёрный и рогатый... и ещё пятак у него... А-а-а-а-а!!!

С этим криком «а-а-а-а-а» Терёха, чуть не выломав входную дверь, ломанулся из сторожки и, очертя голову, бросился прочь, в сторону ближайших могил, которые с головой и крестами уже накрыла ночная тьма.

– Тьфу ты, дурак рыжий! – в сердцах бросил сторож и попытался подняться, чтобы прикрыть за очумелым рыжим дверь.

Это ему с трудом удалось, но в этот момент Фомич неожиданно почувствовал резкие удушающие объятия чего-то жёсткого и одновременно мохнатого. И бедра его слов-

но сковали какие-то тугие оковы. И увидел человек, как что-то чёрные крюковатые, цепкие лапы обхватили его шею и вдавились в грудь острыми когтями, а на животе переплелись лохматые ноги с копытами. Слева из-за плеча пахнуло зловонным смрадом. Чернющая, огромная рожа беса, сдвигающимся пятаком и горящими, словно угли, маленькими глазками, выглянув из-за плеча, вперилась своим демоническим взглядом в лицо бедного, ошалевшего бывшего прапорщика. Алексей сделал шаг и упал, больно ударившись об пол виском. Вновь попытался встать... Удалось. Попробовал расцепить крепкие объятия нечисти. Куда там! Чёрт прилип, как клещ. Лапы его были жёсткими, аки дерево. Ударить локтём в бесовские рёбра... Словно об бетонную стену. Кулаком в рыло... Увёртливый и скользкий, будто озёрный угрь... Попробовал укусить за лапу – ворс и сухое дерево...

Лёха стал задыхаться и уже из последних сил, почти теряя сознания, со всего маха, со всей дури опрокинулся на спину. И потерял сознание...

– Очнулся ваш сторож, – девушка в медицинском колпаке и синей форме «скорой» держала ватку с нашатырём у его носа, а другой рукой обнимала за шею, приподняв голову очнувшегося.

Алексей сморщился и отодвинул руку с ватой.

– Как себя чувствуете?

– Как мужчина, который попал в объятия красивой девушки, – попытался шуткануть Леша.

Очевидно, что наступило утро. Лучи восходящего солнца скромно, но пытливо заглядывали в оконце сторожки. Рядом со склонившейся медсестрой горой возвышался директор кладбища Магомед, дворничиха Алевтина и пара рабочих.

– Фомич, дорогой, что случилось, брат? – пробасил Саламыч.

Отца Магомеда звали Салам, а потому и в шутку, и в серьёз самого Магомеда звали Салам Саламыч – тем самым так здоровались и одновременно обращались к доброму, великодушному «главарю» местного «покойного» мира. Саламыч на это не обижался и протяжно отвечал: «Мир и вам, доходяги, покойтесь с миром, коль здесь обитаете». Сам же Фомич обращался к осетину просто – Мага. Мага тоже был из военных, так же, как и Лёха, повоевал, участвуя в чеченской кампании, но ещё и прошёл дорогами Афгана. А потому относился к Алексею по-братски, военное братство столь же крепко, как и кровное.

– Нормально я... – Лёша медленно сел, ему помогли встать.

– Что у вас болит? – сестра проводила его до табурета, усадила.

– Здесь, – он потёр у брови и потрогал затылок. – И здесь гудит...

– Да, у вас здесь шишка, надо лёд приложить, – сестра протёрла у брови холодной, влажной марлей. – Вы, наверное, сначала ударились виском обо что-то, или вас ударили... А потом упали на пол затылком... Надо в полицию позвонить. Вдруг на вас напали...

– Не надо никакой полиции... На меня никто не напал... Я споткнулся просто о табуретку. Вчера вечером свет обрубился, темно было, как на кладбище.

– А вы вчера ничего не пили? – глядя в глаза Алексею, пытливо спросила красавица в синем. – И, обращаясь к директору, уточнила: – От вашего сторожа не пахнет, но, может, с бодуна?..

– Не, наш Алексей Фомич не пьёт, – хором ответили все находившиеся в сторожке.

– Пил я и Терёхе предлагал... – все от неожиданности напряглись. – Чай с шиповником из термоса.

– Шутите, уже хорошо, – медсестра или фельдшер сложила в портфель все свои медицинские причиндалы и добавила: – Может, в стационар, на обследование?..

– Здоров я, как бык.

Медики уехали. Саламыч взял Алексея под руку, они вышли из сторожки.

– Угу-угу, – поприветствовал друга со своего дуба сын Фома.

– Здорово, брат Фома. Как ты? Терёху не видал?

Сыч промолчал, но Лёша и сам увидел рыжего очевидца

своей бесовской драмы. Причём Терентий прятался за ближайшим большим деревянным крестом и опасно выглядывал из-за него.

– Терёха, ты, что там трёшься, как неприкаянный, покойника увидел что ли? Иди к нам, расскажи, как ночь на кладбище прошла, – позвал начальник внештатного подчинённого.

– Не, я не подойду... мне здесь хорошо, – рыжий присел за крестом на корточки.

– Напуганный ты какой-то, сынок. И вправду кого видал? Покойника или шайтана с рогами? – продолжил подшучивать над блаженным Магомед Саламович.

– Чёрта я видел... настоящего, с хвостом и рогами... – указав длинным пальцем на Алексея, выкрикнул Терентий и бросился бежать вглубь кладбища.

– Чё это с ним? – удивился Саламыч. – Он, конечно, всегда странный, но так никогда не прятался за кресты и про чертей не лепил ничего. А что это он на тебя пальцем тыкал, Фомич?..

– Да кто ж его знает, рыжего. Мага, пойду я домой, башка и впрямь болит и гудит.

– Иди, конечно, братишка. Может, в больницу? Понял, не пойдёшь. А знаешь, Алексей Фомич, сходи-ка ты в отпуск. В прошлом году ведь не был. Я в бухгалтерии скажу, они тебе хорошие отпускные начислят – заслужил. И ты материальную помощь никогда не просил. Время пришло, не отнеки-

вайся. Через полторы недели Новый год, а там и Рождественские праздники с каникулами. После всех этих праздников, к концу января и выйдешь. А пока возмёшь свою Танюху с детишками, и в санаторий махнёте, например, в «Белые ночи». Хоть с пару-тройку недель вместе с детьми побудешь. А то закрылся в своей квартире, как сыч Фома. Ладно, давай. Пойду дурня Терёху искать... Лёха, брат, ты что так согнулся, будто дед старый?..

Глава третья

Уже подходя к квартире, Алексей достал мобилу. Несколько десятков пропущенных от жены – названивала весь вечер и всю ночь.

– Вот чёрт! – Фомич осёкся на поганом слове, вспомнив зловонную, чёрную бесовскую рожу и его цепкие объятия. – Надо и впрямь прекращать упоминать лукавого. Это до добра не доведёт. Куда уж доводить-то? Дальше некуда!

Нетерпеливый стук в дверь прервал сумбурные мысли мужчины. Он встал, согнувшись, прошёл в коридор, не спрашивая, кто, открыл дверь. На пороге стояла Татьяна.

– Ты, что творишь? С ума меня хочешь свести? Весь вечер, всю ночь звонила. Знаю, ты ночью дежурил. Но ответить-то на звонки можно?! Я уж хотела среди ночи такси вызывать и на кладбище ехать, отец не пустил. Только что там была, сказали, что ты дома... в отпуск отпустили. Магомед дал тебе отдых до конца января. Ещё сказали, что с тобой

ночью что-то случилось. Мол, нашли тебя утром рано, без сознания в сторожке на полу лежал. Скорая была... Что случилось? Как ты? Где болит? Что молчишь?..

– Танюш, так ты не даёшь слова вымолвить, налетела, как сорока, – Фомич аккуратно освободился от объятий любимой и, не разгибаясь, прошёл в комнату, сел на диван. Татьяна присела рядом.

– Лёшенька, тебя ещё больше скрючило, совсем согнулся. Это после сегодняшней ночи?

– Нет... не знаю... – Алексей Фомич посмотрел на свою Татьянку.

Сказать правду?.. Ещё больше её напугать. Не говорить про чёрта?.. А вдруг повторится, да ещё при ней... А был ли чёрт?.. Был. Башка разбита, а главное, следы кровавые от когтей на груди остались. Да и Терентий явно видел беса на моей спине. Вон как детально описал, а утром даже не приблизился, дрожал, как осиновый лист и сбежал...

Мужчина достал сигарету и протянул руку к зажигалке, стоящей на журнальном столике. Огниво, как и ожидалось, услужливо вспыхнуло. Фомич прикурил и опасливо посмотрел за своё левое плечо. Никого не увидел. Но... Но спина гнулась к полу после демонической ночи ещё более. Так, что человек вообще не мог выпрямиться, даже сидя. Что самое удивительное, спинушка не болела, не было вообще ни малейшего признака боли. И всё более приходило ощущение и понимание, что на спине, плечах и шее, кто-то плот-

но, с мёртвой хваткой разместился. И этого «кого-то» дембель-прапорщик этой страшной ночью видел, нюхал и безуспешно пытался скинуть с себя. Теперь человек стал ощущать не только эту назойливую, нелёгкую ношу, но и чувствовать её крепкие, удушливые объятия. Правда, на груди когтей не ощущал. Так что очевидно – демон и сейчас сидел на спине, просто он был пока невидим. Пока...

Алексей понимал, что в данный момент Татьяна, пребывая здесь, в квартире, рядом с ним и этим чёрным шайтаном, находится в опасности... в большой, возможно, смертельной... Причём не только для тела, но и для души своей православной. И вот вера эта православная громким голосом в ушах ударила в ослабленную душу Фомича, ударила гулко в набат и сказала внятно и ясно, даже потребовала:

– Что сидишь, дурак, замер, как пень стоеросовый?! Выводи, прогони её из квартиры! От себя! Да подальше! Сейчас же, сию секунду!!!

– Но ведь она не уйдёт, – попытался слабо возразить Фомич. – Как пить дать, не уйдёт! Будет бояться, дрожать, но не уйдёт, в обмороки падать, но останется!..

– Ты и впрямь пень, непрошибаемый и трухлявый! – вера не на шутку рассердилась и возмутилась. – Обмани, придумай что-нибудь. Главное, за дверь выведи, вымани, захлопни на замок и не впускай. Потом по телефону всё объяснишь. Или с балкона прокричишь, что чёрт с тобой, в смысле у тебя на горбу, самый что ни на есть настоящий, взаправдашний,

тот, которого она здесь, за твоей спиной уже видела... Нет, вообще-то с балкона орать не надо. Люди, соседи не поймут, испугаются, а то и в дурку позвонят и отправят. Там наполеонов бонапартов и уинстонов черчиллей принимают и лечат. А вот чертей и шайтанов, это навряд ли, таблеток и укулов таких ещё не придумали. И смирительная рубашка для демонов, что паутинка для слона. Для чёрта твоего уж точно не сойдётся, и не надейся. Так что действуй, не сиди увальнем!

– Танюша, подь со мной, что покажу, – Фомич через силу приподнялся и пошёл к двери.

Жена послушно двинулась за ним. Вышли на лестничную площадку. Алексей указал на мусоропровод и сказал:

– Посмотри, что там.

– Где?

– Спустись и подойди к нему.

Таня удивлённо взглянула на мужа, но стала спускаться. Фомич вошёл в квартиру и, захлопнув дверь, закрыл её на все замки. Татьяна подбежала, стала стучать и звонить в дверь.

– Впусти, Лёшенька! Что происходит? Ты что удумал. Открой мне! Открой сейчас же! Слышишь?.. Хороший мой, тебе нужна помощь! С твоей спиной что-то неладное... С тобой что-то не так. Я же вижу. Ну, пожалуйста, открой. Давай, поедem в больницу... Прошу тебя,пусти меня... Открой сейчас же! Иначе я дверь вышибу... ногой... плечом!..

Алексей на мгновение представил, как его хрупенькая светлая симпатюлька вмиг превращается в терминатора-вышибалу и своей миниатюрной ножкой с криком «кия» вышибает мощную металлическую дверь, которая, к слову, открывается наружу.

– А знаешь, я слесаря из ЖКО позову сейчас... или папу... Лёша, открывай немедленно! Слышишь?.. – в голосе жены послышались нотки отчаяния.

– Тань, не надо вышибать дверь, не надо никого звать, тем более отца. Ты сейчас езжай домой, к родителям, детям, – Алексей прислонился к стене и опёрся руками об трюмо с зеркалом, так легче было стоять. – Я тебе всё объясню и расскажу по телефону... Так надо, поверь. Ты, как приедешь в дом, набери меня. Обещаю, я тебе всё расскажу, слово российского прапорщика, слово ветерана боевых действий даю! Только уходи сейчас...

Он услышал, как жена тихо заплакала:

– Лёша, родненький мой, Богом прошу, детьми заклинаю, поехали в больницу. УЗИ назначат, МРТ, КТ. Что-то надо делать... Врачи помогут. Надо верить... Надо что-то делать... Открой, пожалуйста,пусти меня...

Фомич устало опустился на пол и посмотрел в зеркало на своё отражение. Бесовская чёрная рожа, с широким оскалом, вперилась на него из этого самого зеркала. Так и хотелось бросить: «Свет мой, зеркальце, скажи...». Но в зеркале отражался чёрный демон с рогами и хвостом. Красные глум-

ливые глазки были неподвижны, не бегали, чёрные лапы, с длинными неровными когтями, поглаживали грудь и живот Фомича, козлячьи копыта скрестились на бёдрах. И вот что странно – мужчина сейчас не испытывал страха, совершенно никакого... за себя. Он даже улыбнулся бесу, тот в ответ тоже разинул пасть, оголив чёрные гнилые зубы. Лёха не удержался и харкнул прямо в эту пасть, поднял руку и хотел перекреститься. Но крепкие, мослатые пальцы жёстко схватили его за кисть и резко опустили вниз. Человек не растерялся и быстро произнёс:

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Сгинь, нечисть! Изыди, сатана!

И как ни странно, эта реплика, брошенная скороговоркой, возымела своё действие – чёрт исчез. Точнее, он пропал в отражении, но тяжесть и ощущение бесовских объятий остались.

Фомич, опираясь о трюмо, поднялся, подошёл к двери и решил сказать жене, всё как есть, тем более, она и сама ранее уже видела этого адского спутника на спине мужа. Так будет легче принимать дальнейшие решения.

– Танюха, ты была права, – мужчина прижался щекой к двери и тихо продолжил: – Чёрт у меня за спиной, на спине. Самый вразумительный, ну как в книжках, сказках... Как в старом фильме – «Вечера на хуторе близ Диканьки». Он ещё в мешке у Вакулы-кузнеца за спиной был. Только этот, мой, у меня не в мешке, а на спине. Прицепился, сука, как клещ.

И да, это он меня ночью на кладбище, в сторожке достал. Рыжий Терёшка вошёл ко мне и увидел... Пальцем стал тыкать, так и сказал: «Чёрт с рогами и хвостом у тебя...», и убежал со страху... И утром он его на мне видел...

– А другие видели? – Таня перестала стучать и кричать. – Врачи, Магомед? Что они говорят?..

– Врачей не было, медсестра, молоденькая и смазливая, была. Она чёрта не видела. И Магомед не видел. Никто не видел, кроме Терентия, а он блаженный, потому, наверное, и видит, что другие не видят. Только ты ещё вот... Но ты – жена моя... Думали, показалось... не показалось...

– Лёш, ты сам сказал, что я твоя жена. А значит, мы вместе должны быть и в горе, и в радости. И ещё у нас говорят: «Муж и жена одна сатана». Тьфу ты, прости, Господи, за упоминание имени поганого!

Фомич посмотрел в глазок – Таня успокоилась и не плакала.

– Любимая, послушай меня. Мы вместе, но сейчас тебе быть со мной нельзя. Это опасно! О детях подумай. Давай, так. Ты поедешь домой, к детям. Никому не говори обо мне... о моём чёрте... И родителям не говори, всё равно никто не поверит, а то ещё и в дурдом отправят, и меня, и тебя... Ты бы ещё сама недавно поверила в это? Вот и я бы не поверил тому, кто заявил бы, что у него чёрт на спине сидит, ни в жизнь не поверил...

– Но делать-то что будем? Как же ты останешься с этим

бесом? Я уйду, а ты с ним?..

– Он мне ничего не делает... Просто сидит и скалится. Я вот сейчас плюнул в рожу его, он и пропал.

– А как же на кладбище?! Ты в сторожке ночью упал и сознание потерял...

Алексей попытался успокоить жену:

– Это он из-за Терёхи-блаженного проявился и запаниковал. Рыжий убежал, шайтан успокоился, и сейчас он тихий, – Алексей опасно посмотрел за левое плечо, бес чувствовался, но был невидим.

Мужчина опять присел на трюмо, так было легче.

– Тань, я вот, что думаю... Помнишь, мы не так давно фильм америкосовский смотрели, там ещё из девчонки демона изгоняли? Её родители мужика с чемоданом вызывали, тот какой-то проволокой вращал, шарами крутил...

– Помню, это экзорцизмом называется. Есть такой обряд, обряд изгнания из человека демонов и бесов. Но это ведь в кино? В фильмах всё не по-настоящему, придумано, особенно в иностранных. Там просто фантастика и мистика...

– Это так. Но у меня-то не придумано... Думаю, надо попробовать, чем чёрт не шутит, а вдруг этот самый экзорцизм поможет, – упомянув имя нечистого, Фомич чуть съёжился и покосился на левое плечо – пусто и прозрачно.

– Лёшка, ты опять упоминаешь чёрного?

– Да, что б ему, поганому, провалиться! Больше не буду. Но вот, что я думаю. А почему не попробовать. Городок у

нас хоть и небольшой, но, наверняка, эти самые экзорцисты найдутся. Хотя один, самый завалящий, но имеется. Я сейчас в интернете пошарю, найду и приглашу. А ты, давай, дуй домой, к детям и родителям. За меня не волнуйся. Я на войне и не таких шайтанов видел...

На лестничной площадке хлопнула дверь. Фомич услышал голос соседки, Маргариты Филипповны:

– Татьяна, вы, что это через дверь общаетесь? Давно слышу, как вы переговариваетесь, будто в тюрьме через перегородку...

– Скажете тоже, Маргарита Филипповна, в тюрьме! – Татьяна поправила волосы и добавила: – Это я своему недотёпе напоминаю, чтоб всухомятку не обедал и не ужинал. А то я ему шей, да голубцов наварила, а ему, видите ли, лень разогревать, бутербродами, да пирожками заедает...

– Так ты и возвращайся к своему горемыке, чтоб он без тебя тут не сухомятничал, – резонно заметила наблюдательная соседка и душевно добавила: – А то ты вот уж какой год ходишь сюда только по субботам да воскресеньям. Я всё вижу. Мы все и говорим здесь: «Танька-то у Лёшки своего «выходная» жена, получается». Смотри, заведёт себе какую «будничную», а ты и в ус дуть не будешь, как муженька твоего обхаживают да уводят. И детишек ваших я который год не вижу. А может, ты нашла себе другого муженька, «будничного», а с этим молодость по выходным вспоминаешь? – Маргарита Филипповна не сдержалась и хохотнула, так ей понра-

вились сравнения с буднями и выходными.

Вообще-то эта дородная, с крашенными в фиолетовый цвет волосами, женщина была нисколько не злобливой и не сварливой и почти не сплетницей. Поэтому Татьяна даже не обиделась, лишь, махнув маленькой ручкой, со смешком ответила:

– Да ну вас, Маргарита Филипповна, скажете тоже. Ну, какой другой муженёк? Мне и с моим Лёшенькой хорошо и отрадно, и дети у нас общие, хорошие. А у родителей мы живём, потому что детям в детсад и школу там удобней. Дом большой, хозяйство, курочки свои, яички, козы с молоком... Природа хорошая...

– Так и забирай своего Лёшеньку на эту хорошую природу, яички будет собирать, коз доить. А квартиру квартирантам сдайте, всё копейка. А то на старом кладбище, небось, гроши платят. Это на новом, «мэриновском» кладбище, всё в граните и мраморе, памятники с крестами в позолоте, да озеро с лебедями, шашлык-машлык готовят... А на нашем старом, для простых людей, ни лебедей, ни шашлыков, кого охранять-то? Кресты что ль? Так, кладбище это древнее, ничего ценного, кроме покойников, там нет. А те не сбегут. Лёш, не сбегает ведь? Или кого видишь по ночам в своей сторожке? – фиолетовая соседка вновь хохотнула и уже спускаясь, добавила: – Это как так, в школу и детсад через весь город, в другой конец – и удобнее? На вертолёте что ль?..

Голос и смешок соседки не смолкал и раздавался, пока

она не вышла из подъезда.

– Всё, Танюха, иди. Ванюшку скоро из школы дед привезёт, встречай, корми. После полдника Машуньку из садика забирать. Иди, а я покемарю чуток, потом в интернете поищу этих самых экзорцистов. Я тебе вечером позвоню.

– Леш, а как же ты? «Этот» ведь на тебе, всё время на тебе...

– В том-то и дело, всё время, уже несколько лет, – Алексей загнулся, но продолжил: – Я уже как-то привык к нему... к тяжести от него. Он только сейчас проявился, видимым стал, объятья плотнее... Но вот он на мне, а я не боюсь его...

– Но он, очевидно, что-то хочет от тебя, – Татьяна всё никак не хотела уходить. – Зачем-то залез... Ведь это не просто. Он стал проявляться, а значит, будет что-то ещё. И потом ты скоро не сможешь вставать, ходить. Сам же говоришь, он всё тяжелее и тяжелее, и хватка его крепче. А вдруг он станет тебя душить или ещё что делать... Ты же не знаешь, что он хочет от тебя. Он ведь молчит... пока молчит...

Алексей Фомич вздохнул и с лёгким смешком ответил:

– Он молчит, но, как ты заметила, он проявился. Так я узнал, что со мной, с моей спиной, почему я так согнулся. Из этого следует, что я здоров физически, доктора мне не нужны, и МРТ с КТ не требуются. Знамо дело, черти по души человеческие приходят. Вот и этот явился по мою душу.

– И что же делать, Лёша? – отчаянно спросила никак не уходившая жена.

– Прогонять беса будем. Я же сказал, сейчас вздремну и поищу экзорциста, который эту нечисть с меня снимет, изгонит. Давай, дуй домой, иди уже. Болтаешь тут и меня заставляешь...

После этих резких слов Татьяна, вздохнув, отправилась в родительский дом.

Глава четвёртая

Фомич хотел было поставить чайник и перекурить, но передумал, лишь быстро умылся, стараясь не смотреть в зеркало, и прошёл в спальню.

– Интересно, а почему я рогатого не чувствую, когда ложусь, прислоняюсь спиной к стене? Объятия есть, тяжесть есть. Но когда он невидим, то он словно воздух, только тяжёлый и, будто стебли сухого виноградника, обнимающие за плечи, шею и бёдра. Сука, ты чёрная. Смотришь, небось, из-за плеча? Ты, что ко мне явился-прицепился? Сидишь теперь, катаешься, как на ишаке.

Он вспомнил, как в детстве его добрая бабуля Феня, иногда, когда он безмерно упрямствовал и шкодил, в сердцах, но не злобливо обзывала его странными терминами: «Ишак карабахский» и обещала, что его за такое упрямое и несносное поведение заберёт бабай с мешком и унесёт в самый далёкий, жаркий и пыльный аул, где лишь саксаул и мочалки растут. Она была русской, но вовремя Великой Отечественной войны была эвакуирована из-под Сталинграда, и несколько

десятков лет прожила в Ашхабаде, потому и обратно в Россию привезла некоторую туркменскую лексику и колорит.

– Вот и стал ты ишаком карабахским, сбылось из далёкого детства речённое бабой Феней пророчество. И наездником твоим стал чёрт, глумливый и поганый. Однако в карабахских землях, да и в туркменских всё больше шайтаны шкодят и шныряют. Хотя не один ли фиг, и те, и другие – чёрные, рогатые и хвостатые. Хрен редьки не слаще, – с этими невесёлыми мыслями Алексей Фомич стянул с себя джинсы и майку и, проявив к ним неуважение, бросил комком на пол – всё равно стирать.

А вот кровать приняла его с уважением и тёплой любовью, забрав на себя всю бесовскую тяжесть. Остались лишь смутные ощущения объятий демона, но человек к ним уже давно привык. Что удивительно, не было никакого страха, никакой паники. Словно наличие чёрта на спине – это сущий пустячок; так, прыщик на попе, помажешь спиртом, и пройдёт... Не-е-е, никакого спирта и водки, только зелёнкой.

Уставший Лёха даже улыбнулся про себя, представив своего беса зелёным:

– Это ж хорошо! У всех бесы – обыкновенные, чёрные, а у меня – именно, зелёный! Можно сказать, чёрт, раритетный и эксклюзивный.

Но пришёл беспечный сон и, легонько хлопнув ветерана-прапорщика по лбу, дал команду: «Отбой!». Служивый подчинился, отбился и отрубился...

Море было тёплым, прозрачным и ласковым. Оранжевое солнышко мягко и трепетно щекотало своими пушистыми лучами водную гладь и морщинки пляжного песка. Пустынность, бескрайность и нереальность этого неземного пляжа подчёркивало абсолютно несовместимое соседство средиземноморских или тропических кокосовых пальм и белых русских берёзок. Было совершенно непонятно, как наши красавицы приживаются, уживаются на этом морском песчаном побережье с папуасскими творениями природы. Но Фомича это вообще никак не трогало – растут на песке, значит, так надо. «Ведь, если звёзды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? Значит – кто-то хочет, чтобы они были?». Так чем же наши берёзки хуже звёзд или тех же пальм?..

Мужчина лежал на розовом песке и смотрел на своих ребятишек, усердно и кропотливо строивших песочные замки у самой кромки воды. Волн не было, была сверкающая ровная гладь. Таньянка, загорелая, сияющая и небесно-красивая, стояла по пояс в море и руками поднимала соцветия брызг, смеялась и излучала, как мандариновое солнце, свои счастье и радость. Потом она присоединилась к Машеньке и Ванечке и стала главным архитектором замков у воды. Дети обрадовались и стали с ещё большим энтузиазмом и восторгом возводить стены и башни. Королева с принцессой и принцем были волшебны счастливы.

Алексей встал, стряхнул с крепких рук и широких плеч песок и легко побежал к воде. Долго плавал и нырял. Обалденной красоты кораллы, большие и маленькие причудливые раковины, неземные морские коньки, величавые рыбы и шустрые рыбки, разных форм и цветов. Лёха был словно Ихтиандр из фантастического сюжета Александра Беляева. А потому он мог надолго задерживать дыхание и заплывать далеко и глубоко, как человек-амфибия, а на берегу его ждала Гуттиэре.

Но, нет! Нет! Ни в коем случае, нет! При всём уважении к великому русскому фантасту – Лёха был Лёхой, и на берегу его ждала не красавица Гуттиэре, а своя родная и любимая королевишна Татьяна, с двумя милыми и прелестными ангелочками, шести и семи лет. Пора было возвращаться к ним... но не с пустыми же руками. Две волшебной красивые морские звезды лежали на дне между водорослями. Алексей легко донырнул до них и выплыл, держа эту прелесть над водой.

– Смотрите, какая красотища! – крикнул он, поворачивая их на солнце.

– Лёшенька, отпусти их, они ведь живые! – Таня залившись рассмеялась и добавила: – У них ведь, наверняка, и детки есть...

– Ну, пап, отпусти бедняжек! – в один голос поддержали мамку малыши. – Звёздочки к своим сыночкам и дочечкам хотят. У нас здесь свои пластмассовые звёздочки и че-

репашки есть, мы с ними играем...

Фомич-ихтиандр был вынужден подчиниться своим трогательным ангелочкам, а уж королевешну послушаться, это табу, это мама не велела. Выпущенные звёзды плавно опустились в свою морскую обитель и как могли, молча, обматерили хренова человека-амфибию, наслав на него сто проклятий и тысячу морских чертей. Тысяча чертей к Лёхе не заявились, а вот один, чёрный, рогатый, с хвостом и рылом, не заставил себя долго ждать и оказался тут как тут. Алексей увидел тёмную большую тень под водой и сначала подумал, что это одинокий дельфин, даже обрадовался гостю, но... Но «дельфин» ухватил своей когтистой, крючковой лапой покорителя и ловца звёзд за щиколотку и сжал до боли и посинения. Человек сразу понял, что никакой это не дельфин, а его наспинный спутник-шайтан и, как мог, попытался отбиться, ударив свободной ногой в рогатую башку бестии. Но плотная вода смягчила удар, превратив его в мягкое поглаживание по чёрной скользкой шерсти. Фомич бешено заработал руками, пытаясь выскользнуть из плотной, болезненной хватки. Краем глаза, он видел, что жена с детьми продолжают строить песочные замки и не замечают того, что происходит в море.

– Ты, главное, не заори, не испугай детей, – приказал себе пловец и, набрав воздуха, нырнул, чтобы руками попытаться отцепить гадину.

Но та оскалилась и ухватила за вторую ногу. Фомич

стал лупить что было сил по бесовской харе, но безуспешно. Только в кино подводные пловцы вырубают и нокаутируют своих противников, в реальности же под водой всё как в замедленной съёмке – плавно и мягко. Алексей ухватил демона за острые уши – жёсткие и скользкие. Попробовал тыкать и давить в маленькие красные глазки – чёрт легко увёртывался. Воздуха в лёгких становилось всё меньше, а демон всё более и глубже утаскивал за собой вглубь.

– Не понял, вроде нырял за звёздами, было не так глубоко – метров пять-шесть, а сейчас дна не видно...

Мысли поездом, с гружёными цементом вагонами, пронеслись в головушке, и головной дореволюционный паровоз оставил после себя дымный след – короткий текст, написанный жирными, чёрными буквами:

«Вот тебе, Фомич,

Последний спич:

Наш молодЕц

Встретил конец!».

Спич растворился в воде, поезд ушёл, Фомич с чёртом остались. И когда казалось, что всё, и вправду, конец... Вода вокруг сделалась вмиг прозрачной, стало возвращаться сознание, и... буквально в нескольких метрах от человека с бесом в ярких лучах солнца высветилась фигура другого человека, в белых, свободных одеждах. Он словно большой скат проплыл чуть выше подводных бойцов, и Алексей узнал его. Это был добряк и трудяга Терентий. Рыжий блаженный оста-

новился в метре и протянул руку. Лёха попытался ухватиться за неё, но шайтан резко дёрнул вниз, вновь утаскивая за собой. Терёша что-то достал из-за ворота и попытался вложить в ускользающую руку Фомича, но это «что-то» сорвалось и, сверкнув, ушло в тёмное никуда. Терентий стал удаляться, а боевой прапорщик всё более погружаться во тьму. Рыжий парень пытался не отстать и что-то сказать, но вместо слов с губ срывались лишь прозрачные пузыри и бесшумно ускользали к поверхности, к свету, образуя там, наверху, замысловатые контуры полукруглой, остроконечной фигуры, с каким-то «иксиком». Сознание Алексея стало уплывать от него вместе с белоснежным Терентием. Не было ни мыслей, ни страха. Лишь картинка с удаляющимся к свету рыжим блаженным, который левой рукой указывал на солнце, а правой зачем-то бил себя в грудь. Алексей Фомич захлебнулся, задохнулся... и проснулся.

Глава пятая

Часы показывали ровно полшестого вечера. За окном висел вязкий сумрак короткого, бесснежного декабрьского вечера. А потому отсутствие белоснежности это предвечерье превращало в кромешность ночи.

– Здравствуй, зимушка-зима!

Здравствуй, ёлка, Новый год!

Лето щас, али зима?

Али всё наоборот?..

Фомич «деревянной» шуткой попытался взбодрить себя и прогнать столь же «деревянную» спросонность, что почти удалось. Он сел на край одинокой кровати... Хотя так ли одинокой?

– Да, дела, однако, – Алексей усмехнулся про себя и вслух добавил: – Все мужики, как мужики – спят с жёнами, на худой конец с соседкой, а я вот с чёртом. Знали бы мать с батей! Мамка бы заругала и в угол поставила, а то и гулять не отпустила, отец выпорол бы, как сидорову козу, как пить дать...

Лёха нашарил тапочки и прошёл на кухню, поставил чайник, взял сигарету. Но, посмотрев на зажигалку, убрал обратно. Он пока ещё не стоял буквой «г», но почему-то подумал, что если сейчас это огниво в очередной раз услужливо вспыхнет по велению чёрта, то его скрючит ещё более.

– Ладно, пора начинать что-то делать, – он взял телефон и зашёл на городской сайт услуг: – Штукатуры-маляры, сантехники, услуги репетитора по математике, грузоперевозки, «муж на час»... «познакомлюсь с рыжей бестией для душевных бесед и не только...». О, это случайно не по мою душу? Хотя у меня бестия чёрная, никак не рыжая. Дальше у нас что? Где-то же должны быть эти хира-хера-манты-мантры...

Нашлись. Причём список был внушительный. В нём были и потомственные маги, потомственная ведьма с тринадцатого колена, гадалки, ворожеи, даже шаман с бубном был, да ещё с фотографией...

– Удивительно, как люди свою родословную на столько веков вглубь знают?! – Фомич присвистнул и, усмехнувшись, усомнился: – Не верится. Как эти ведьмы в революцию выжили? А там были ещё гражданская война, красный террор, да и белый, НЭП, Великая Отечественная, перестройка, 90-е... Не-е, ведьмы не выжили бы... Так, что есть ещё кроме ведьм и бабаёжек? Гадалки и ворожеи нам не нужны. Оба-на, вот и то, что надо!

Чёткая, короткая информация от агентства «Охотники на баробашек» гласила: «Изгоним всю нечисть и нежить из вашего дома. Работаем с полтергейстом и баробашками. Используем современное европейское оборудование. Цена договорная. Предоплата – 30% плюс 5% за риск и опасность».

– Кажется, то, что надо. Только почему «баробашек», вроде говорят: «барабашек»? Ладно, без разницы. Лишь бы помогли, – Алексей Фомич набрал номер, на том конце задорным девчачим голоском ответили сразу:

– Агентство «Охотники на баробашек» слушает.

– Вечер добрый, – начал Лёша и сразу споткнулся о странный, неожиданный ответ:

– А разве он добрый? – повисла пауза.

– В смысле? – не понял Фомич.

– Ну, если вы к нам обратились и позвонили, то для вас этот вечер не очень-то добрый, предыдущие, наверняка, тоже. Разве я не права?

– Правы, раз я вам звоню. У меня тут вопрос...

– Задавайте, конечно.

– А почему у вас написано «баробашки», а не «барабашки», как их обычно все называют?

В телефоне раздался какой-то шум, стук.

– Ой, извините, уронила мобилу, – девушка продолжила разговор и беспечным голосом то ли спросила, то ли ответила: – А какая разница, какая буква в слове... главное, чтоб «оно» перестало стучать и хулиганить.

Фомич встал, выключил закипевший чайник.

– У меня не стучит.

– Хулиганит? – весело спросила собеседница.

Алексей задумался.

– Ну, не так, чтобы...

– А-а-а, поняла, вещи разбрасывает или ворует?..

– Вроде пока не воровал и не разбрасывал...

– Он у вас разговаривает! Так бы сразу и сказали. Есть такой вид, точнее подвид, – затараторила девчушка. – Мы их говорульками называем или балтульками. Итак, ваш – говорулька.

Лёша стал немного раздражаться.

– Вас, девушка, как звать? Как обращаться к вам?

– Я – Маринушка. А вас?

– Алексей Фомич я, Марина.

– Алексей Фомич, я не Марина, я Маринушка. Так и обращайтесь.

– Как скажете, Маринушка. У меня «он» молчит, по край-

ней мере, пока молчал... У меня ещё вопрос: Вы тридцать процентов предоплаты просите, а гарантии даёте, что избавите от «этих»?

– Конечно, сто процентов гарантии! – уверенно заявила девушка.

– Ещё у вас написано про пять процентов за риск и опасность...

Маринушка немного возмущённо перебила:

– Вы сомневаетесь? Зачем же тогда обратились к нам, если это не опасно?

Алексей почувствовал, что разговор с балаболкой Маринушкой всё более затягивается в своей какой-то бессмыслице и пустоте. А потому сухо спросил:

– С бесами работаете? В смысле, можете победить, изгнать одного беса?

– Да хоть чёрта лысого! – не задумываясь, уверенно заявила представитель «охотников». – Диктуйте адрес, выезжаем!

– Прямо сейчас?! – Фомич не смог скрыть удивления.

– А чего ждать? Или вы не торопитесь? Если «он» вам сильно не докучает, можем и завтра, можем через неделю. Как скажете.

– Давайте сейчас, – Лёха, перед тем как назвать свой адрес, с сомнением спросил: – Вы и вправду настоящего чёрта можете победить?

– Я же вам, Алексей Фомич, уже сказала – да, хоть чёрта лысого! – без тени сомнения заверила Маринушка.

– И вы их, чертей, рогатых с хвостами и рылами с пятаками, сами видели? – не унимался Алексей.

– Мы и я, в том числе, всё видели, даже не сомневайтесь. Разве только бабу-ягу с кощею бессмертным да змея горыныча не наблюдали, и то только потому, что их не существует в природе. Диктуйте адрес. Мы выдвигаемся...

Боевой прапорщик едва успел допить чай, как в дверь нетерпеливо и длинно позвонили. Алексей открыл. У порога стояла яркая команда из трёх человек, все как на подбор весьма интересные персонажи: длинный, худой альбинос, лет тридцати, в чёрном облегающем свитере, с воротником до острого подбородка, расклепанных джинсах и огромных, остроносых, ядовито-жёлтых штиблетах. В тонкой, словно плетёнке руке, он держал большой чёрный саквояж. Из-под его локтя выглядывал очкастый, пузатенький коротышка с причёской «а-ля аэропорт посреди редколесья». В том смысле, что макушка на его крупной головушке сверкала, словно была натёрта специальным лаком, её окружала жиденькая, но длинная растительность. Этот забавный «шарик» был с преогромной видеокамерой, будто позаимствованной у «Мосфильма» 60-х годов. Во главе этой шедевральной тройки была щупленькая, милипусенькая, чуть выше обладателя «аэропорта», девчушка, лет пятнадцати на вид.

Фомичу, судя по всему, не удалось скрыть своего изумления, и маленькая атаманша сразу выпалила:

– Я – не девочка! В том смысле, что мне тридцать два года,

не замужем. Клеиться и шиться ко мне не надо, а то быстро отошью и тресну! – с этой словесной карточкой «не девочка», не разуываясь и словно не замечая прапорщика, прошла в комнату. «Двое из ларца» неуверенно проследовали за ней.

Ошалевший Алёша захлопнул дверь за очумелой командой «охотников на бумбарашек» и уже в своей очумелости встал в проёме зала.

– Так, где ваш чёрт, показывайте, – девушка заглянула на кухню и, повернувшись к хозяину квартиры, попыталась вывести его из ступора: – Вы – Алексей Фомич, я – Маринушка. Это, – она указала на обладателя «аэропорта», – Лев Иванович, он наш оператор и по совместительству повар, в том смысле, что в обед покупает и приносит нам из соседнего кафе пирожки и хот-доги. А вот этот высокий блондин в жёлтом ботинке – Кирюха, он отвечает за аппаратуру и все другие причиндалы.

Согнувшийся Фомич прошёл к креслу и с облегчением бухнулся в него.

– Алексей Фомич, вы будете своего чёрта показывать? Или хотя бы скажите, где он прячется. Под диваном? – бойкая Маришка заглянула под тахту, но тут же перевела тему:

– А что это вы так согнулись? Радикулит? Так я вам сейчас рецепт своей прабабушки поведаю, – тараторка подскочила и легонько хлопнула по Лёхиной спине. – Где болит? Здесь?

– Чёрт на спине, – устало и как-то безнадёжно произнёс обладатель мнимого радикулита.

После этих слов Маринушка буквально вскинулась:

– Да что вы такое говорите?! Нельзя так про своё здоровье! Как это так – чёрт с ней, спиной?! Радикулит – это ещё не приговор. Вы вон какой молодой, а согнулись, будто дед столетний. Вот сейчас мы лысого чёрта прогоним, и я займусь вашей спинушкой.

– Чёрт на спине, – тихо, едва шевеля губами, повторил Фомич.

Маринушка сначала не поняла или не расслышала, сказанное прапорщиком, и хотела было продолжить своё бойкое щебетание, но тут на полуслове осеклась и замерла с приоткрытым ртом, уставившись на Алёшу. Так же вперились на него и оба других «охотника».

– Где... на какой спине? – девушка недоумённо посмотрела на Алексея, подошла ближе и провела рукой по его спине, потом ещё раз ощупала всю спину и, чуть хмыкнув, резюмировала: – У вас на спине нет никакого чёрта. Я всё проверила, везде пощупала. Ни малейшего признака существа с рожками, хвостиком и пяточком на вас нет.

Сивый и кругляш так и стояли, притихнув. «Охотница» присела на корточки и участливо спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.